

В.В. Седов

О РАССЕЛЕНИИ СЛАВЯН НА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЕ ИЗ ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА

Лингвистические исследования О.Н. Трубачева в области культуры и этногенеза древних славян имеют исключительное значение для археологов, пытающихся разобраться во всех деталях ранней истории славянства, понять на основе данных своей науки, каким образом, на какой территории, в какое время и во взаимодействии с какими этносами развивалось это этноязыковое образование на протяжении столетий и тысячелетий. Работы этого ученого привлекательны тем, что содержат множество интереснейших наблюдений и примечаний, которые существенны как для познания отдельных вопросов славянского этногенеза, так и для освещения этой проблемы в целом. Одним из существенных научных открытий О.Н. Трубачева стало определение на основе анализа ремесленной лексики (гончарной, кузнечной, текстильной и деревообрабатывающей) центральноевропейского культурного региона, в условиях которого носители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда формировалась эта терминология, находились в тесных контактах с будущими италиками, германцами и кельтами¹. Это позволило археологам понять процессы вычленения кельтов, германцев, италиков и славян из существовавшей в Средней Европе в бронзовом веке этноязыковой общности западных индоевропейцев, соотносимой с среднеевропейской культурно-исторической общностью полей погребений².

Много внимания уделил О.Н. Трубачев обоснованию длительно-го проживания ранних славян в Дунайском регионе³. Мысль о дунайской прародине славян восходит к “Повести временных лет”: “По мнозехъ же времяих сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидаша по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте” – записал ее автор киевский монах Нестор⁴. Поводом для широкого расселения славян из Подунавья, согласно летописи, было нападение на них влахов/волохов. Этот летописный рассказ стал основой так называемой дунайской теории их происхождения, которая была популярной в хрониках и сочинениях средневековых авторов. П.И. Шафарик в знаменитом труде “Славянские древности” посвятил целую главу обоснованию достоверности этой традиции. Эту же мысль проводили в своих трудах и многие русские и западноевропейские историки и языковеды XVIII–XIX вв., в том числе М. Погодин, С.М. Соловьев, В.И. Ключевский и др.

Вместе с тем, параллельно с теорией дунайского происхождения славян в эпоху средневековья и в новое время высказывались и иные мнения о начале славянской истории⁵. Первым, кто серьезно поколебал дунайскую теорию, был знаменитый чешский ученый-энциклопедист Л. Нидерле. Им были проанализированы и обобщены достижения различных наук в области славистики – истории, лингвистики, этнологии, антропологии и археологии. В трехтомном труде “Славянские древности” исследователь отрицает возможность нахождения прародины славян на Дунае, показав на основании данных разных наук, что областью их расселения в начале нашей эры была территория к северу и северо-востоку от Карпат от верховьев Карпат на западе до Днепра на востоке. Согласно Л. Нидерле, утверждение древнерусского летописца о дунайской прародине славян является вымыслом, связанным с отходом их от Вавилонской башни через Балканы в земли иллирийцев, отождествляемых со славянами⁶. Все те летописные места, где говорится о дунайских славянах и их судьбах, А.А. Шахматов относил к “Сказанию о грамоте славянской”. В итоге теория о дунайской прародине славян оказалась отвергнутой наукой XX в. Однако, как подчеркивал О.Н. Трубачев, она “никогда не утрачивала полностью своей привлекательности”.

В ряде статей и в названной уже книге “Этногенез и культура древнейших славян” этот ученый попытался показать, что имеются лингвистические материалы, прежде всего, этимологические и ономастические, в пользу реабилитации этой теории. Исследователь утверждает, что праславянский язык образовался непосредственно из индоевропейского, минуя промежуточную балто-славянскую стадию, и относит этот процесс к III-II тыс. до н.э. Древнейшим регионом славян было Среднее Подунавье. Здесь славяне имели контакты с пракарантами, кельтами и иллирийцами. Широкая миграция кельтов вынудила часть славян продвинуться к северу от Карпат, в результате ими было освоено Повисленье. Здесь славяне взаимодействовали с германцами. К этому же времени относится начало контактов славян с ираноязычным населением Северного Причерноморья и индоарийскими группами, входившими в состав Великой Скифии. Во второй половине I тыс. до н.э. устанавливаются тесные связи между славянами и балтами, что отразилось в многочисленных схождениях в области фонологии, грамматической структуры и словарном фонде. На основании данных топонимики О.Н. Трубачев показывает, что древнейшей землей славян была Паннония, которая оставалась таковой вплоть до прихода туда венгров. Иными словами, славяне произошли оттуда, откуда их ведут древнерусские летописи.

Археологические материалы не дают возможности согласиться с этногенетическими построениями О.Н. Трубачева. Дунайский ре-

гион принадлежит к числу достаточно хорошо исследованных в археологическом отношении: известные здесь древности гальштатской и латенской культур, а также материалы римского времени исключают концентрацию славянского этноса в Среднем Подунавье. Археология свидетельствует о заселении этого региона славянами только в период великого переселения народов (последние десятилетия IV–V вв.), что коррелируется с данными исторических источников. Вместе с тем, материалы археологии подтверждают положение О.Н. Трубачева о том, что Дунайский регион в самом начале Средневековья был историко-культурным центром славянской жизни, откуда исходили импульсы в другие славянские земли и откуда действительно шла миграция славянского населения, зафиксированная Повестью временных лет.

В нашей статье рассматривается вопрос о славянском расселении на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона, как он в настоящее время решается на археологических материалах.

В Восточной Европе первые славяне появились в римское время⁷. Ранее их земли ограничивались территориями, расположенными к северу от Карпат. Севернопричерноморские земли длительное время принадлежали племенам, относившимся к иранской языковой группе, сначала скифам, затем сарматам, а также, как показал О.Н. Трубачев, остаткам индоарийского населения. На рубеже II и III вв. в лесостепной области Днестро-Днепровского междуречья из ареала полиэтничной пшеворской культуры (Висло-Одерский регион) началась инфильтрация славян. В областях внутрирегионального смешения пришлого населения с аборигенным формируется славяно-иранский симбиоз, в условиях которого сарматы сменили кочевой образ жизни на земледельческий уклад и постепенно славянизировались. Складывается диалектно-культурное новообразование славян, известное по раннесредневековым источникам как анты. Они заселяли плодородные земли лесостепи, составляя часть населения провинциального римского образования – черняховской культуры, ее подольско-днепровский регион. В IV в. в составе государства Германариха анты, по-видимому, образуя собственное политическое образование, были подвластны готам, регионами проживания которых были Нижнее Поднепровье и Днестро-Дунайское междуречье.

В результате нашествия гуннский орд в 70-х годах IV в. ремесленные центры, снабжавшие население черняховской культуры орудиями труда, оружием, предметами быта и украшениями, были разгромлены или разорены, культура прекратила свое существование. Это привело к заметному упадку уровня жизни и быта, а также общественно-социальной организации населения. Готы

пошли на запад, часть их мигрировала в Крым. Какая-то часть земледельческого, преимущественно славянского, населения сохранилась в Днестровской лесостепи и создала пеньковскую (антскую) культуру (V–VII вв.), на основе которой впоследствии образовались известные по древнерусским летописям уличи, тиверцы и хорваты.

Крупные массы земледельческого населения черняховской культуры при гуннском погроме переселились на плодородные земли Среднего Поволжья, где ими была создана именьковская культура (V–VII вв.). На рубеже VII и VIII вв. там появились воинственные тюркские кочевники. В результате большая часть славян-земледельцев вынуждена была переселиться в лесостепные области междуречья Днепра и Дона, где образовалась родственная именьковской волынцевская культура (VIII–IX вв.). Вскоре эта группа славян расширила свою территорию на север, заселив и лесные области Верхнего и правобережье Среднего Поочья. Волынцевская культура эволюционировала в роменскую, боршевскую и родственную им окскую и стала основой формирования северян, вятычей и радимичей. Эта диалекто-племенная группа славян заложила основу будущих южновеликорусов, которые до настоящего времени выделяются отчетливыми диалектными и этнографическими особенностями.

Еще одна этнографическая группа славян, представленная пражско-корчакской культурой (V–VII вв.), расселилась на Волыни и в южных областях Припятского Полесья вплоть до Киева. К началу VIII в. эта культура трансформировалась в культуру луки-райко-вецкой, внутри которой образовались известные по летописям волыняне, древляне, поляне и дреговичи.

Северные области Восточно-Европейской равнине заселялись славянами из северной (венедской) группы пшеворского ареала, в значительной степени из Среднего Повисленья, как свидетельствуют археологические данные, запустевшего в конце IV–V в. на некоторое время. Первыми следами миграции нового населения в севернорусские земли (от Псковского озера и Полоцкого Подвина на западе до междуречья Волги и Клязьмы на востоке) являются неизвестные здесь ранее вещевые находки провинциальном римского среднеевропейского происхождения. Это – шпоры и удила, пластинчатые кресала и бритвы, в-образные рифленые пряжки и пельтовидные привески в стиле сёсада, ювелирные и туалетные пинцеты и стеклянные бусы, наконечники копий и дротиков. Вместе с ними на той же территории получают распространение железные серпы, ставшие основой древнерусских, каменные жернова для мельниц (до этого население использовало зернотерки), а также культуры ржи и овса.

Эта крупная миграция датируется концом IV–V в. И сопровождается прекращением развития местных культур раннего железного века. Пришлые народы совместно с аборигенами формируют новые культуры, генетически не связанные с предшествующими. Это – культура псковских длинных курганов в бассейнах озер Псковского и Ильменя (V–VIII вв.), отождествляемая с кривичами, древности удомельского типа (V–VII вв.) и позднее культура новгородских сопок в Приильменье (VIII–X вв.), носителями которых были словене ильменские; тушемлинская (V–VII вв.) и культура смоленско-пороцких длинных курганов на верхнем Днепре и Западной Двине (VIII–X вв.), отражающие славяно-балтский симбиоз и формирование смоленско-пороцких кривичей; мерянская культура в Волго-Клязьминском междуречье (славяне и финноязычные меря при начавшемся процессе славянизации последней).

Это население стало ядром последующего сложения северновеликорусов. Специфические языковые связи между предками северной ветви восточных славян и лехитской группой славянства предполагались Н.С. Трубецким, Т. Лер-Славинским и Я. Чекановским и в последние десятилетия изучаются по особенностям кривичских говоров и новгородским берестяным грамотам (С.Л. Николаев, А.А. Зализняк и др.).

В тот период, когда Восточно-Европейская равнина в той или иной степени уже была освоена славянским населением, начался многократный прилив крупных и мелких групп славян из Дунайского региона.

Появление первых дунайских переселенцев в южных районах Восточной Европы археологически фиксируется рубежом VII и VIII вв. Наиболее ярким памятником, отражающим это, является Пастьрское городище, где найден комплекс металлических изделий, художественный стиль которых обнаруживает явные дунайские источники. Первые мастера-ювелиры, работавшие на этом поселении, безусловно пришли из Подунавья. Ими были привнесены в Поднепровье передовые для того времени провинциально-византийские технологии. Следы перемещения ювелиров из Дунайского региона выявлены также на поселениях Зимно на Волыни, Бернашевка на среднем Днестре, Мытковском и Гайвороне на Южном Буге, Малые Будки на Сумщине⁸.

С расселением на Восточно-Европейской равнине довольно многочисленных групп славянского населения из Среднего Подунавья связано появление и распространение в середине VIII в. комплекса дунайских украшений, изготовленных из цветных металлов в технике тиснения и обильно декорированных зернью. Сюда входят серьги, лунницы, бусы, круглые медальоны и перстни с полусферическими щитками. О.А. Щеглова, всесторонне исследовавшая эти

украшения из памятников Среднего Поднепровья, пришла к твердому заключению, что их появление может быть обусловлено только миграцией в этот регион славян из Среднего Подунавья⁹. Это подтвердил шведский исследователь В. Дучко, проанализировавший подобные украшения из древностей Скандинавии и показавший их великоморавские истоки¹⁰.

О крупной волне (или волнах) славянской миграции, исходившей из Среднедунайских земель в IX–X вв., свидетельствуют находки серебряных и бронзовых проволочных серег (или височных колец) с подвеской из полых шариков в виде грозди винограда и симметрично расположенных розеточек, составленных также из шариков зерни. Они встречены многократно в Поднестровье и на Волыни, на Южном Буге и Среднем Поднепровье, в том числе в Киеве, окрестностях Чернигова и Переяславля Южного, в курганах дреговичей и в Гнездово под Смоленском. Коренной территорией таких украшений являются Среднее Подунавье и Адриатика, где они получили распространение около середины VIII в. и бытовали в основном до конца IX в. (в отдельных местностях встречены и в древностях первой половины X в.)¹¹ Восточноевропейские находки датируются IX – началом X вв. и появление их в этом ареале в результате миграции славян из Среднедунайских земель представляется несомненным. Им посвящены две специальные статьи – Е.Ю. Новиковой и написанная совместно Р.А. Рабиновичем С.С. Рябцевой¹².

Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца, послужившие прототипами семилучевых и семилопастных височных колец радимичей и вятичей. Восходят лучевые кольца к широко распространенным в Подунавье золотым и серебряным подвескам в виде колец с треугольными отростками-лучами, составленными из зерни. На юге Восточной Европы лучевые кольца появились в IX в. (Хотомель, Новотроицкое, Полтава). К IX–X вв. относятся их находки в памятниках роменской культуры, на верхнем Дону и в Верхнеокском бассейне. Самыми северными являются лучевые кольца из поселения в Гнездово. Разбросанность находок позволяет предполагать в данном случае не миграцию более или менее крупных масс дунайских славян, а разрозненную инфильтрацию небольших групп их.

В других случаях можно говорить и о расселении крупной массы славян из Дунайского региона. Таковым, очевидно, было передвижение большой группы дунайских славян в лесные области Восточно-Европейской равнине, имевшее место в IX в. Однако и здесь дунайские переселенцы расселились не сплошной массой, а расселились среди славян, осевших в этом местностях ранее. Показателем такового явления являются находки лунничных ви-

сочных колец и трапециевидных привесок с точечным орнаментом по нижнему краю¹³. Первым ареалом лунничных височных колец стали земли смоленско-погоцких кривичей и средняя Ока. На этой же территории встречаются и названные трапециевидные привески.

С инфильтрационным расселением дунайских славян связаны разрозненные находки на Восточно-Европейской равнине довольно крупных железных ножей с рукоятками, оформленными волютообразными навершиями. Исследователи полагают, что это были культовые предметы. В Дунайско-Карпатском регионе они бытовали в V–VIII вв. Позднее в Среднем Подунавье они исчезают и появляются в Восточной Европе от Поднестровья до Новгородчины (на нижнем Дунае такие ножи известны и в памятниках VIII–X вв.). Дунайское начало имеют также железные удила типа I по классификации А.Н. Кирпичникова¹⁴. На Среднем Дунае такие удила широко представлены в памятниках VI–VIII вв. В лесных областях Восточно-Европейской равнины они получают распространение в IX–X вв. Некоторые из них сопоставимы с дунайскими малейшими деталями. Так, найденные при раскопках Холопьева Городка под Новгородом удила имеют эсовидные псалии, которые увенчаны зооморфными головками, инкрустированными латунными пластинами с глазками-вставками из синего стекла, и обнаруживают точные аналогии в Среднем Подунавье¹⁵.

С инфильтрацией дунайских славян в среду восточного славянства связано и появление металлических нагрудных крестов с так называемым “грубым изображением распятого Христа”. Истоки их находятся в Великой Моравии, откуда они и распространились в различных областях Древней Руси¹⁶. Конечно, далеко не все восточнославянские находки таких крестиков поступили из Среднего Подунавья, некоторые из них могли быть изготовлены в Восточной Европе мастерами, переселившимися из Моравии, или местными ремесленниками по “великоморавским образцам”. Интересно, что первые находки подобных крестиков на территории Древней Руси относятся ко времени до официального принятия христианства. Так, в Новгороде одна из находок обнаружена между настилами мостовых Великой улицы ярусов 26 и 27, что дает основание датировать ее 70–80 годами X в. К этому столетию относятся и некоторые другие крестики рассматриваемого облика.

Обнаруживается еще и ряд иных показателей инфильтрации дунайских славян на Восточно-Европейскую равнину. Так, в Гнездовском археологическом комплексе кроме упомянутых выше лучевых височных украшений найдена каменная литейная форма для отливки височных колец одного из великоморавских типов, так называемого нитранского. Она тщательно проработана, что позволяет при-

писать ее мастеру-ювелиру, хорошо знакомому с приемами среднедунайского изготовления таких украшений¹⁷. Из Гнездова происходят также серьги с гроздевидными привесками; фрагмент серебряной шпоры, сопоставимой с великоморавскими находками в Микульчицах, великоморавский топорик-чекан блучинского типа и медная портупейная скоба, состоящая из щитка-основания с изображением крылатого единорога и крюка, представленного фантастическими животными, которые по моделировке оформления тождественны предметам одного из великоморавских центров – Поганьско. Ранняя гончарная керамика, появившаяся в Гнездове в первых десятилетиях X в., имеет явно дунайское происхождение. Это никак не результат дальних торговых операций, а, как показывает анализ этой глиняной посуды, следствие прилива славянского населения, исходившего из Среднедунайских земель, среди которого были и ремесленники-гончары. В этой связи представляет интерес находка в одном из курганов Гнездовского могильника амфоровидного глиняного сосуда-корчаги с процаррапанной надписью “гороуша” или “гороушна”. Согласно О.Н. Трубачеву, эта надпись свидетельствует о проникновении на Русь глаголицы, отражая импульсы из Среднего Подунавья¹⁸.

Интересна мысль этого исследователя о миграции славянского племени смолян, давшего имя городу Смоленску, из Дунайских земель. О.Н. Трубачев отмечает, что в раннем средневековье смоляне известны в трех отдаленных регионах: 1) смоляне, упомянутые “Баварским географом” среди полабских славян, проживавшие в местности близ устья Эльды, притока нижней Эльбы; 2) смоляне в Западных Родопах на р. Места-Нестос, впадающей в Эгейское море; там, где расположен город Смолян; 3) на берегах верхнего Днепра, где-то в районе Смоленска. Некогда эти племена, полагает ученый, составляли единое праславянское племя, которое в результате великой славянской миграции оказалось расчлененным и разбросанным. Коренной территорией праславянских смолян, по О.Н. Трубачеву, было Подунавье¹⁹.

Картография находок дунайского происхождения на Восточно-Европейской равнине достаточно определено показывает, что в конце VII–X вв. имел место многократный прилив славянского населения из Дунайского региона. Крупные и мелкие группы переселенцев из Подунавья оседали в различных местностях Восточной Европы, уже освоенных славянами. Разнотипность дунайских находок и их рассеянность на широкой территории указывает на множественность миграционных волн, шедших из разных регионов Подунавья. Инфильтрация дунайских славян, очевидно, продолжалась в целом не менее трех столетий.

Заметные отливы славянского населения Подунавья документируются и историческими, и археологическими данными. Основой населения Аварского каганата несомненно были славяне. Они вынуждены были терпеть грабежи, гнет и унижение со стороны аваров, что зафиксировано многими письменными памятниками. Естественно, что в такой ситуации из Дунайского региона вынуждены были уходить отдельные группы славян. Немалую роль в отливе славян из Подунавья играло и наступление на их земли баваров и франков. В конце VIII в. Аварский каганат был окончательно разгромлен Карлом Великим и его сыном Пипином. Франкские войны существенным образом затронули и славянское население. Письменные документы IX в. именуют центральные области бывшего Аварского государства “пустыней”. Не менее значительным было бегство славянского населения и после разгрома Великоморавской державы. Археология свидетельствует, что славянами были покинуты все крупные поселения предгородского облика и свыше половины аграрных селений Великой Моравии.

Оставлен был большой массой славянского населения и обширный левобережный регион Нижнего Подунавья, заселенный славянами с V–VI вв. К концу VII в. здесь наблюдается активизация романского населения, известного в письменных источниках под именем волохи/влахи. Как показывают археологические изыскания, к началу VIII в. большая часть славянских могильников перестала функционировать, – несомненно, славяне вынуждены были покинуть эти земли²⁰.

В свете изложенного сообщение Повести временных лет о Дунае как исходном регионе расселения славян на Восточно-Европейской равнине следует рассматривать не как процесс первоначального появления славян в области, а как миграции их, имевшие место в последних столетиях I тыс. н.э., на территории, ранее освоенные славянским населением. Переселенцами из Дунайских земель были привнесены в восточнославянскую среду фиксируемые фольклористами яркий образ и культ Дуная, представления о Дунае как земле изобилия и “земле предков”. Образ реки Дунай вошел в мифологию и обрядовую жизнь восточных славян, Дунай широко представлен в песнях и их свадебных причтаниях. Известный филолог XIX в. В. Ягич, собравший обширную информацию о Дунае в славянском фольклоре, утверждал, что фольклорный Дунай своим происхождением, безусловно, связан с реальной рекой Дунай²¹. Это, как теперь показывают материалы археологии, действительно так. В результате инфильтрации дунайских славян в восточнославянской среде появились новые лексемы. Так, согласно изысканиям А.С Львова, восточнославянский термин “князь”, который вытеснил прежний “каган”, является изустным заимствованием из диалекта моравско-паннонских славян²².

Примечания

- ¹ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; Он же. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991, 81–82.
- ² Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994, с. 95–148; Он же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002, 39–95.
- ³ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян... Изд. 2-е, доп. М., 2002.
- ⁴ Повесть временных лет. Часть 1. М.; Л., 1950, 11
- ⁵ Седов В.В. Славяне в древности, 8–24.
- ⁶ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Del. I–III. Praha, 1902–1919.
- ⁷ Аргументированно процесс первоначального расселения славян на Восточно-Европейской равнине рассмотрен автором в книгах: Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999, 25–179; Славяне, 150–222, 245–323, 348–402.
- ⁸ Приходнюк О.М. Технологія, виробництва та витоки ювелірного стілю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. Київ, 1994, № 3, 61–77.
- ⁹ Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК. Л., 1991.
- ¹⁰ Duzcko W. The filigree and granulation work of the Viking period. Stockholm, 1985; Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. Ia. М., 1987, 77–88.
- ¹¹ Hampel J. Altertümer der frühen Mittelalter in Ungarn. Bd. II. Braunschweig, 1905, 489–494; Dostál B. Slavanská pohřebiště na střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966, 35–44; Belošević M. J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeća. Zagreb, 1980. 86–90; Jirić R. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva, II). N. 2. Zagreb, 1986, 245–289.
- ¹² Новикова Е.Ю. О серьгах “екимацкого типа” // Проблемы археологии Евразии (Труды ГИМ. Вып. 74). М., 1990, 107–117; Рабинович Р.А., Рябцева С.С. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Приднестровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997, 36–245.
- ¹³ Седов В.В. Лунничные височные кольца восточнославянского ареала // Культура славян и Руси. М., 1998, 249–261; Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Ги-старычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997, 44–58.
- ¹⁴ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Е1–35. Л., 1973, 14.
- ¹⁵ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, 181. Рис. 69.
- ¹⁶ Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988, 63–67.
- ¹⁷ Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. Iб. М., 1987, 54–55; Ениосова Н.В. Литейные формы Гнездова // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998, 68–70; Она же. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Общество, экономика, культура и искусство славян (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4). М., 1998; 260–261.

- ¹⁸ Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997, 164–175.
- ¹⁹ Там же, 132–153.
- ²⁰ Fiedler U. Studien zu Gräberfelder des 6. bis 9. Jahrhunders an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 11). Teil 1–2. Bonn, 1992.
- ²¹ Jagić V. Donav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie // AfslPh, Bd. I. 1976, 289–333.
- ²² Львов А.С. Лексика “Повести временных лет”. М., 1975, 108–200.

М. Сной (Любляна)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ 6–7¹

6. Ю.-слав. диал. **tāžiti* ‘lenire, consolari’

На основании словен. *tāžiti*, *tāzim* ‘утешать’, имеющего подтверждения, начиная с XVII в., и хорв. *tāžiti*, отмеченного старыми источниками из Дубровника, кайкавскими и другими далматинскими авторами (Skok III, 448), чак. *tāžit*, *-in* ‘уголять, успокаивать (жажду, голод, болезнь’ (Hraste–Šimunović I, 1235) можно реконструировать ю.-слав. диал. **tāžiti* ‘мирить, успокаивать’. Как мне представляется, глагол не имеет удовлетворительного этимологического объяснения. Во всяком случае предположение Цафа о заимствовании из нем. бавар. *dasig*, в.-нем. *tasig* ‘смиренный, терпеливый’ (Pleteršnik I, 657) не принято Х. Штридтер-Темпс, которая поэтому не включила слова в свою монографию о немецких заимствованиях в словенском языке². Если же все-таки принять это предположение, то заимствование предстанет как результат переоформления нем. бавар. сочетания *dási' machən* ‘укрощать’³, хотя и таким образом не достигается необходимый порог вероятности, ведь трудно было бы ожидать, что ареально ограниченное баварско-немецкое сочетание, единообразно оформленное, распространилось бы от Словении до южной Далмации. С учетом такого распространения самое большое, что можно было бы предположить, – это заимствование из какого-то романского источника, который не поддается установлению. В свете приведенных данных представляется наиболее вероятной идея об исконном происхождении слова.

В пользу исконного происхождения слова высказывался Скок (Skok III, 448), предполагавший, что **tāžiti* явилось результатом контаминации **blažiti* < **bolžiti* и **tolžiti*. Эта гипотеза, семантически хорошо обоснованная, маловероятна, с принятием ее следовало бы ожидать, что акцентная парадигма контаминированного глагола такая же, как у одного из исходных составляющих. Тогда глагол дол-